

Содержание

Пролог	9
Введение	13
Глава 1 “И царя старше”	27
Глава 2 “Великое облегчение и превосходнейшее врачевание”	59
Глава 3 “Копоть, грязь, теснота”	87
Глава 4 “Хоть и любит наш мужик баню, да немного из этого толку выходит”	118
Глава 5 “Натиск цивилизации”	162
Глава 6 “Или вши победят социализм, или социализм победит вшей”	201
Глава 7 “Плохо у нас на банном фронте”	242
Глава 8 “Здесь нет голых, стесняться не надо”	295
Глава 9 “Баня... нужна ли она сегодня?”	354
Глава 10 “В бане я изменил свое мировоззрение”	387
Эпилог	431
<i>Благодарности</i>	435
<i>Примечания</i>	439
<i>Предметно-именной указатель</i>	477

*Посвящается
Эми, Захари и Наде*

Пролог

Москва, Россия, декабрь 1991 года. Мы ложимся нагишом на деревянную скамью, закрываем глаза, и нас обволакивает раскаленный воздух. Термостат показывает 95° С. Мы потеем, и из кожи выходят токсины. Когда жар делается невыносимым, мы поодиночке выходим из тесного помещения и, чтобы охладиться, прыгаем в бассейн с ледяной водой. Потом возвращаемся в парилку и через считанные секунды снова потеем. Берем березовые веники и хлещем себя и друг друга по спине. Одни считают, что эти веники целебные, другие говорят, что с ними тело больше разогревается. Я не знаю, кому верить, но все равно хлещусь веником. А потом, завернувшись в простыню, чувствую, что у меня теперь новая кожа. Я и раньше бывал в русской бане, но обычно шел туда с некоторой опаской. Теперь, кажется, я начинаю проникаться процессом и получать удовольствие.

Я спрашиваю Сергея: мытье в бане — советская традиция? Отчасти да, отвечает он. Переживет ли она те политические и экономические беспорядки, которые бушуют сейчас за этими стенами? В ответ он улыбается. И говорит, что корни этой обычной уходят глубоко в прошлое России, он зародился задолго до революции. Тут к нам подсаживается Володя и тоже вступает в разговор. По его словам, сегодня человек в бане, возможно, испытывает то же самое, что люди испытывали в этом

месте сто, двести, а может, даже тысячу лет назад. Здесь нет ничего нового. Баня — штука вечная.

Но нет, это заблуждение. Ни один телесный опыт, каким бы древним и неизменным он ни казался, сколь бы тесной ни была его связь с первозданными стихиями огня и льда, не может быть неподвластным времени. Я точно знаю, что у бани — как и у самой России — должна быть своя история.

В 1990-е годы друзья и коллеги водили меня в городские и частные бани в Москве, Санкт-Петербурге и других городах и деревнях на территории бывшего СССР. Я ходил в бани с учеными, спортсменами, предпринимателями, врачами, журналистами и студентами. Я ходил туда и с уважаемыми общественными деятелями, и с сомнительными личностями. Обычно я бывал там в мужской компании. Изредка бани были общими — для обоих полов. Во всех случаях представлявшаяся моим глазам телесная картина — буйство человеческой наготы во всем ее разнообразии — поражала меня и освежающей новизной, и беззастенчивостью. Только в бане я волей-неволей оказывался рядом с чужими телами в таких количествах.

Я много раз ездил к друзьям на дачи, и мои хозяева растапливали баню и приглашали меня попариться. Иногда я помогал им пилить и рубить дрова, вязать из березовых веток веники, мыть скамейки в парилке и мести раздевалки, топить печь и заливать в бак воду. Я научился орудовать вениками, самостоятельно чувствовать, когда жар и влажность достигли нужного уровня, наслаждаться вкусом пива или водки (или изредка — горячего чая) после банных процедур. Баня позволяла прекрасно отдохнуть от быстрых перемен, за которыми мы едва успевали угнаться после того, как Советский Союз рухнул и на его обломках начала возникать новая Россия. А еще баня давала нам заряд энергии, и мы с новыми силами возвращались на работу или домой. По существу, это была полноправная часть быта.

Изначально мое увлечение баней вовсе не относилось к моей работе в России. В начале 1990-х годов я преподавал в Москве американскую историю. С середины до конца 1990-х я приезжал в Москву, чтобы заниматься научными исследованиями и писать диссертацию. Баня была для меня убежищем, отдушиной, местом общения с друзьями — словом, противоядием к работе. Позже, уже написав книгу о Сталине и науке, получив в США место преподавателя российской истории и обзаведясь семьей, я начал думать о том, что же делать дальше. Иногда я думал об этом в бане. Меня все меньше интересовали вопросы, связанные с государственной властью, и все больше увлекали частности повседневной жизни — например, имевшие отношение к бане, которая, собственно, так крепко привязала меня к России.

Перемены — даже переломы — в российской политике, свидетелем которых я был в 1990-е и в начале 2000-х годов, подтолкнули меня к поискам чего-то прочного, неизменного для народа и в истории страны, которую я успел полюбить. Независимо, кто возглавлял Россию и в каком направлении он ее вел, — баня, похоже, высвечивала те стороны русской культуры, которые были мне дороже всего: тесные социальные узы, выдерживающие любые испытания, способность и желание поразмыслить над трудностями современной жизни, а также стойкую традицию, которой под силу объединять представителей самых разных слоев населения. Так я понял, что хочу написать о бане.

Введение

Везде и всегда, где были русские, были и бани. Бани процветали и в селах, и в больших городах. Они обслуживали мужчин и женщин, царей и землепашцев, православных и безбожников, националистов и социалистов, предпринимателей и фабричных рабочих, охранников и заключенных. Бани существовали еще до образования первого государства восточных славян, они выдержали монгольское нашествие, выстояли, когда центром русских земель сделалась Москва, пережили расцвет после того, как Петр I взялся за вестернизацию старой Руси, и обрели новое значение в Советской России. Русские не обходились без бани, отправляясь в экспедиции в Арктику и в Антарктику, в сибирскую ссылку и в эмиграцию в Америку. Они сооружали бани в железнодорожных вагонах, на китобойных судах и подводных лодках. Бани и сегодня широко распространены как в самой России, так и в русских общинах по всему земному шару. Более того, трудно было бы найти другое культурное учреждение, чье присутствие во времени и пространстве было бы столь же постоянно и имело такую же популярность независимо от сословных и культурных различий¹.

Русская баня — это особая разновидность паровой бани. Печка с горящими в ней дровами нагревает каменку — горку наваленных камней. Когда камни раскаляются, огонь сбивают, а на каменку льют воду. Мгновенно образуются волны пара,

и температура поднимается. Купальщики обильно потеют, хлещут друг друга вениками, сделанными из молодых березовых веток (годятся и другие деревья), охлаждаются в бассейне или в естественном водоеме либо катаются в снегу, а потом повторяют все сначала. Существуют разные мнения по поводу правильной влажности и температуры, а также различных процедур, которые полагается делать до, во время или после паренья. Обстановка бани отличается еще большим разнообразием. Деревенская баня — обычно деревянная изба, состоящая из парилки и небольшого предбанника, где раздеваются перед тем, как париться, и отдыхают после. Друзья, соседи и члены семьи часто парятся вместе. Некоторые деревенские бани — “черные”, то есть не имеют дымохода: в них на начальном этапе, когда разогревается печка, густое облако дыма остается внутри. Хотя перед тем, как париться, помещение проветривают, и стены, и сами купальщики часто покрываются сажей. Городские же, торговые, бани бывают очень просторными: они оснащены современными системами вентиляции, водопроводом, в них есть моечные залы, раздевалки и отдельные отсеки для мужчин, женщин, а также для небольших компаний. Иногда там имеются массажные кабинеты, бассейны, бильярдные комнаты, кафе и парикмахерские. Но главное, что объединяет все эти внешне несхожие деревенские срубы и городские здания и что делает их банями, — это парилка с деревянными полками.

У русской бани имеется многочисленная родня — от греческих и римских бань (терм) до финской сауны, японских сэнто и онсэн, турецкого хаммама и индийской парной (это лишь немногие примеры). В каждом обществе, в каждой цивилизации утвердились свои обычаи и правила личной гигиены — телесной, духовной и умственной. Одни омовения носят профилактический характер и защищают купальщиков от невидимых угроз, другие же сулят исцеление от конкретных недугов или помогают противодействовать опасностям, которыми чреваты определенные типы поведения. Физическая чистота часто подразумевает нравственную непорочность. При-

Иллюстрация 1. Современная версия деревенской бани “по-черному”. Новгородская область, 2004 год.

людная нагота может способствовать честности и эмоциональной близости, но она же порой порождает распушенность и уязвимость².

Современный мир осознал, как опасны микробы и как важно от них избавляться. Представление о том, что баня очищает от грязи, прогоняет заразу и укрепляет телесное здоровье, укоренилось очень глубоко. Крестьянская поговорка гласила: “Баня любую болезнь из тела гонит”, однако лишь в конце XVIII века гигиена оказалась в фокусе государственного внимания в имперской России. Лейб-медик Екатерины II утверждал, что часто ходить в баню лучше, чем обращаться к врачам, и что “баня Российская, конечно, заступает место двух третей лекарств, описанных во Врачебной Науке и в большей части Аптекарских Сочинений”³. Ближе к концу XIX и в XX веке постепенно набрало силу представление о том, что, держа тело

Иллюстрация 2. Баня в центре Москвы, построенная в период правления И. Сталина в 1935 году. Публикуется с разрешения РГАКФД.

Бани Егорова в С.-Петербурге.

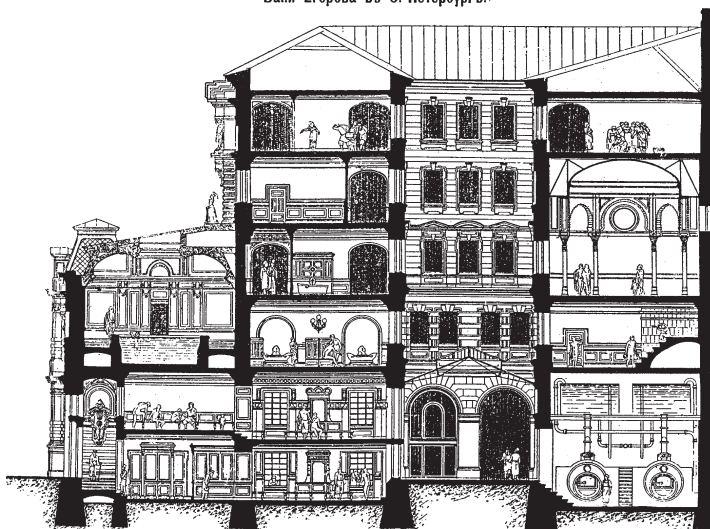

Иллюстрация 3. Егоровская баня в Санкт-Петербурге, построенная в конце XIX века. На 5 этажах располагались мужское и женское отделения, комнаты, предназначенные для приема пищи, чтения, парикмахерская, бассейн и, конечно, парилки. (Строитель. 1896. № 1. С. 53–54.)

в чистоте, можно бороться с болезнями — особенно с эпидемиями, которые вспыхивали из-за вшей, клещей и блох. После захвата власти в России большевиками в 1917 году Владимир Ленин сделал знаменитое заявление: “Или вши победят социализм, или социализм победит вшей!”⁴ Бани — орудие в этой борьбе — стали важным подспорьем для национальной безопасности, и советское государство соответствующим образом их поддерживало.

Забота о материальных и телесных потребностях не отражает всего диапазона смыслов, ассоциировавшихся с баней как до советской власти, так и при ней. Русские ходили в баню задолго до того, как начали смотреть на нее с точки зрения современной медицины, и до того, как государство решило взять под охрану здоровье населения. Они продолжали ходить в баню и тогда, когда появление во многих домах водопровода и сантехники позволило совершать гигиенические процедуры без лишней мороки у себя дома. Русские понимали, что, в отличие от обычного душа или ванны, поход в баню омолаживает и преображает человека — причем не только физически, но и духовно. Об этом говорили народные пословицы и поговорки: “В бане помылся — будто заново родился”, “Баня все грехи смоеет”. Интерес к бане как к месту подлинности, созерцания и возрождения приобретал особые масштабы и значение особенно в пору неопределенности — как, например, в последние годы существования Российской империи и в годы непосредственно до и после крушения Советского Союза. Ведь баня обновляет не только тело, но и ум, и душу.

Баня еще и общественное заведение. И в деревенской обстановке, и в городах друзья и родственники моются вместе, передавая друг другу различные обряды и приемы и устанавливая таким образом границы дозволенного и недопустимого. Например, запрещено ходить в баню в одиночестве или в определенное время, что наводит на мысли о том, что там скрыта потенциальная опасность. Посещение бани — обряд, при помощи которого молодые и чужие становятся частью общины. В конце XIX века один философ написал: “Если вы хотите

кого-нибудь сделать себе приятелем и колеблетесь, то спросите его, любит ли он баню: если да — можете смело протянуть ему руку и позвать его в семью вашу”⁵. Примерно в ту же пору один врач добавил: “Бани у нас народны до того, что по ним иногда определяют любовь к отечеству и истинность русского происхождения”⁶. Прославление общественной — и даже националистической — бани служило отповедью тем, кто пытался рассматривать ее отвлеченно или под медицинским углом. Вместо того чтобы воспринимать баню просто как идеальное место, где может помыться любой, многие предпочитали считать, что главное предназначение этого пространства — крепкое сплочение русских людей и помощь в распознавании друзей или врагов.

Как публичное учреждение, баня имеет нечто общее с другими общественными заведениями — кофейнями, пивными, спортзалами и парикмахерскими. Эти места, где человек и не дома, и не на работе, объединяет многое: открытость и доступность, гостеприимная и уютная обстановка, возможность пообщаться со старыми и новыми друзьями, создание нейтральной атмосферы, сглаживание социальных различий (о чинах и отношениях подчиненности, существующих за пределами этих заведений, здесь на время позволительно забыть), особое внимание к беседе и ощущение, что здесь можно побыть как дома — вне дома⁷. Описывая баню, разные авторы часто говорили примерно об этом же. Связь этого места с прозрачностью и близостью (чему во многом способствовала и физическая нагота) тоже наводит на мысль о том, что баня вполне вписывается в эту общую категорию. Как покажет дальнейший исторический обзор, не все бани и не во все времена соответствовали перечисленным чертам. И все же, взгляд на это заведение с подобной точки зрения наверняка поможет тем, кто мало что знает о русской бане, приблизиться к пониманию ее важной роли в человеческом общении.

Во многих отношениях баня отличается от прочих публичных мест. Понятия об общественном и частном, возникшие в западноевропейском обществе и применимые ныне

к кофейням и другим подобным заведениям, не так-то легко приложить к русским реалиям. В чем-то баня была местом публичным (ее ведь часто поддерживало государство, и мытье было коллективным), а в чем-то — частным (камерным и особенным). Кроме того, бани выполняли по крайней мере некоторые из общественных задач задолго до возникновения современного мира и капиталистических экономических отношений, которые ученые считают важнейшими предпосылками для появления подобного рода общественных собраний. Баня выжила и в самодержавной России, и в социалистическом СССР⁸. История бани наводит на предположение, что потребность в создании публичных мест для осмысленных общественных контактов вовсе не обязательно привязывать к западноевропейскому летосчислению или к другим привычным для современных историков ориентирам⁹. И наконец, общинный характер бани отражает лишь один из важнейших ее аспектов. Посещение бани — не только общественный акт, но также телесный и духовный опыт. Физические ощущения, которые можно получить в бане, и чувство духовного преображения — не менее важные причины ее привлекательности. Прийти в баню только для того, чтобы поговорить и пообщаться, как это делается в кафе или пабах, но при этом не раздеться, не пропотеть как следует в парилке и не вымыться — значило бы упустить самое главное.

В бане каждая из ее основных функций — мытье, очищение и установление чувства общности — чревата потенциальными рисками. Баня смывает грязь, но она же заставляет купальщиков соприкасаться с чужими телесными выделениями и грязью, которые могут распространять заразные болезни. Баня восстанавливает душевную чистоту, но там же можно самозабвенно предаваться пороку. Как общественная практика, она помогает очерчивать круг приемлемых типов поведения и опознавать своих. А еще баня выявляет проступки и выводит наружу угрозу, которую представляют те, кто не вливается в коллектив и не подчиняется правилам. Силясь привнести в мир порядок, баня тем самым вытаскивает на свет беспорядок.